

— Подожди, я еще не достаточно потрогал, — сказал Се Цзыцзин.

— Давай сначала обсудим твое море сознания, — ответил Цинь Гэ.

— Кто-то вторгся в мое море сознания, — после непродолжительного молчания начал Се Цзыцзин. — В Западное управление пришел новый человек, и среди них есть Проводник, который мне очень не нравится. Без моего согласия он самовольно проник в мое море сознания и устроил пытку.

Хотя Се Цзыцзин сразу же использовал бунт, чтобы изгнать его, тот успел увидеть его море сознания и доложил в управление, утверждая, что такое море сознания ненормально.

— Управление постоянно допрашивает меня, — продолжил Се Цзыцзин. — Но я действительно кое-чего не могу вспомнить. Многие мои воспоминания запутаны.

Цинь Гэ, не ожидавший, что здесь еще и замешана амнезия, произнес:

— Это как раз и говорит о том, что твое море сознания все-таки проблемное!

— Но это не сильно влияет на мою жизнь, я думаю, можно не обращать внимания, — сказал Се Цзыцзин. — Когда я поступал в Кризисное бюро, ментальный регулятор проводил патрулирование и сказал, что это нормально. Западное управление подозревает меня из-за слов того Проводника, но я отказался от любого патрулирования моего моря сознания, поэтому в итоге меня отстранили.

Когда доклад об отстранении Се Цзыцзина попал в Кризисное бюро, это вызвало беспокойство у Гао Тяньюэ. Тот лично прилетел в Западное управление и долго беседовал с Се Цзыцзином, рассказывая, что в Кризисном бюро есть очень опытный ментальный регулятор, который может помочь решить все проблемы в море сознания. Таким образом Гао Тяньюэ и заманил Се Цзыцзина сюда.

Цинь Гэ быстро проанализировал сказанное Се Цзыцзином:

— Подожди... Кто проводил проверку твоего моря сознания, когда ты поступал в Кризисное бюро?

— Мой университетский преподаватель, — ответил Се Цзыцзин. — Лу Цинлай.

Лу Цинлай, один из пяти ментальных регуляторов в стране, преподаватель Академии управления талантами «Новая надежда», экзаменатор, который принимал у Цинь Гэ экзамен на звание ментального регулятора. В практических тестах он поставил Цинь Гэ несколько высоких оценок и дал ему очень лестную характеристику.

Цинь Гэ хорошо помнил Лу Цинлая и знал, что тот был более опытным, чем он сам. Если даже

Лу Цинлай считал, что все в порядке, то море сознания Се Цзыцзина должно быть нормальным. Но почему он потерял часть воспоминаний из юности? Это нелогично.

Комната вызывала слишком странные ощущения, и Цинь Гэ не мог убедить себя принять вывод, что все нормально.

— Почему ты живешь так беспечно... — пробормотал Цинь Гэ.

— Цинь Гэ, кроме моего преподавателя, ты — второй Проводник, который вошел в мое море сознания, — сказал Се Цзыцзин.

— И что? — спросил Цинь Гэ.

— Это доказательство нашей любви, — ответил Се Цзыцзин.

Цинь Гэ потер виски:

— Ладно, ладно, хватит болтать ерунду. Завтра я снова зайду и посмотрю.

Се Цзыцзин отказался:

— Нет, мне не нравится, когда кто-то ходит по моему морю сознания.

— Ты ведь пришел сюда, чтобы решить проблемы с морем сознания, не так ли? — Цинь Гэ слегка разозлился, но быстро взял себя в руки и спокойно сказал:

— Хорошо, сначала поспи, не торопись.

— Хорошо, давай спать вместе, — сказал Се Цзыцзин.

Цинь Гэ показал ему кулак, но Се Цзыцзин быстро схватил его руку, поцеловал и мгновенно отскочил, прежде чем Цинь Гэ успел ударить.

Родители Цинь Гэ при жизни были подчиненными Цинь Шуаншуан. После того как она усыновила его, каждый год она брала его с собой, чтобы почтить память его родителей.

На кладбище царила ежегодная суета, повсюду вился дым, и толпились люди. Цинь Гэ очистил могилу от пыли, поставил цветы и сложил ладони в молитве.

Он часто приходил на кладбище в свободное время, и сейчас на его лице не было сильной печали — прошло уже больше десяти лет.

— Несколько дней назад Гао Тяньюэ позвонил мне и очень радостно тебя похвалил, — сказала Цинь Шуаншуан, спускаясь с горы. — Он кратко рассказал мне о деле директора Цая.

Цинь Гэ вспомнил, как менялось отношение Гао Тяньюэ в тот день, и с удивлением спросил:

— За что он меня хвалил?

— Сказал, что ты изменился, начал возражать против его решений и иметь собственное мнение.

— ...Так он хотел, чтобы я ему противоречил? Если бы он сказал раньше, я бы мог делать это более прямо.

— Раньше ты был слишком послушным, — засмеялась Цинь Шуаншуан. — «Неужели у Цинь Гэ совсем нет характера?» — часто спрашивал меня Гао Тяньюэ. Иметь свои принципы и настойчивость — это хорошо, и я рада, что ты можешь их выражать.

Цинь Гэ отвез Цинь Шуаншуан домой на машине, и она сказала ему, что Цзян Лэян будет какое-то время находиться в Шанхае, поэтому он может забрать машину к себе домой и использовать ее для повседневных поездок.

Супруги относились к нему очень хорошо, но, прожив на их попечении больше десяти лет, Цинь Гэ не мог не быть послушным.

Он рассказал Цинь Шуаншуан о делах в Отделе регулирования. Услышав имена нескольких сотрудников, Цинь Шуаншуан изменилась в лице и несколько раз переспросила:

— Тан Цо и Бай Сяююань?

— Ты их знаешь?

— Слышала имена, — уклончиво ответила Цинь Шуаншуан, но Цинь Гэ заметил, что она была удивлена, узнав, что Тан Цо и Бай Сяююань тоже работают в Отделе регулирования.

Он плотно пообедал у Цинь Шуаншуан. Узнав, что у него дома живет коллега, Цзян Лэян дал ему с собой кучу овощей и фруктов. Се Цзыцзин весь день пролежал дома, тщательно выбрав несколько высоко оцененных фильмов о зомби, и ждал, когда Цинь Гэ и кролик вернутся.

Еды было так много, что даже на работу Цинь Гэ и Се Цзыцзин вышли, неся по тяжелой коробке с едой. По дороге на работу Се Цзыцзин проявил большой интерес к машине Цинь Гэ и постоянно предлагал попробовать самому за руль, но Цинь Гэ игнорировал его.

— Когда ты снова позволишь мне заглянуть в твое море сознания?

— Когда ты позволишь мне попробовать поехать по дороге?

— Когда получишь права.

— Хорошо, когда получу права, ты снова зайдешь в мое море сознания.

Цинь Гэ чуть не высадил его на обочине.

Се Цзыцзин вышел из машины у проходной Кризисного бюро, а Цинь Гэ направил машину на парковку.

Выйдя с парковки, он получил звонок от Янь Хуна.

Еще не успев поздороваться, он услышал вопрос:

— Ты знаешь, что директор Цай ушла?

Цинь Гэ замер на месте:

— Что?!

— Я только что приехал в больницу и услышал от коллег, — тихо сказал Янь Хун. — После того как ты провел патрулирование ее моря сознания, ее состояние было нестабильным. Ей должны были сделать шунтирование сердца на следующий день, но из-за нестабильного давления операцию не смогли провести вовремя.

Вчера вечером Цай И, навещая Цай Миньюэ, проболтался, и та узнала, что дело уже было передано в Комитет по делам особых людей через Кризисное бюро. После разговора с Цай И Комитет не стал скрывать дело, а быстро выдал разрешение на расследование.

У Цай Миньюэ сразу же участилось сердцебиение, давление резко подскочило, и она впала в глубокую кому. Сегодня рано утром ее смерть была констатирована.

Цинь Гэ долго не мог вымолвить ни слова. Он не ожидал такого исхода.

— Вы собираетесь расследовать и других сотрудников акушерского отделения того времени? — снова спросил Янь Хун.

Цинь Гэ ответил:

— Не знаю, сейчас этим занимается Отдел уголовного розыска.

Едва он закончил говорить, как вдруг почувствовал холод: на территории Кризисного бюро внезапно поднялась мощная сила чужой духовной сущности.

В этой силе чувствовались гнев и убийственная ярость.

Почти в тот же момент появилась еще одна мощная сила духовной сущности, яростная и грозная, как ураганный ветер.

— Это берберийский лев Се Цзыцзина!

Цинь Гэ сразу же бросил трубку и помчался к проходной.

Еще не добежав до здания Кризисного бюро, он вдруг почувствовал, как вокруг потемнело.

Гигантская ящерица высотой в несколько десятков метров взобралась на здание Кризисного бюро, головой вниз, и резко выбросила длинный, покрытый слизью язык в сторону Се Цзыцзина и только что приземлившегося берберийского льва.

Все произошло слишком быстро.

Из тела Цинь Гэ поднялся молочный туман, который устремился вперед. Он попытался выпустить силу своей духовной сущности, чтобы успокоить эту разъяренную ящерицу. Он не знал, кому принадлежала эта ящерица, но в его памяти в Кризисном бюро не было духовной сущности, способной увеличиваться до таких размеров.

В то же время из разных уголков здания Кризисного бюро вырвались несколько различных сил духовных сущностей, все они устремились к гигантской ящерице.

Но липкий длинный язык уже достиг Се Цзыцзина.

Се Цзыцзин откатился в сторону, и берберийский лев, который был перед ним, мгновенно исчез.

Ящерица издала странный крик, и кусок ее языка вылетел изо рта, вращаясь в воздухе, и упал позади Цинь Гэ, превратившись в белый туман.

— Это был лев.

Золотой зверь издал оглушительный рев, взмахнул когтистыми лапами и в мгновение ока перерезал длинный язык ящерицы.

<http://bllate.org/book/15560/1384519>